

РАЗМЫШЛЕНИЯ ГОРАЦИО ГРИНО О ФОРМЕ И ФУНКЦИИ

HORATIO GREENOUGH'S REFLECTIONS ON FORM AND FUNCTION

А.В. Лагойко

A.V. Lagoyko

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, *anastasiyalagoyko@gmail.com*
Belarusian State University,
Minsk, Belarus, *anastasiyalagoyko@gmail.com*

Статья посвящена рассмотрению влияния оказанного Горацио Грино на становление идей функционализма. В статье демонстрируется историческое первенство Горацио Грино относительно Уолта Уитмена, Джона Рёскина, Ле Корбюзье и Луиса Салливана, а также анализируется сборник под названием «Форма и функция. Замечания об искусстве, дизайне и архитектуре», который был составлен из множеств эссе Горацио Грино.

Ключевые слова: ранний американский функционализм; форма; функция; теория врожденных форм; относительная красота; независимая красота; орнамент.

The article is devoted to the consideration of the influence of Horatio Greenough on the formation of the ideas of functionalism. The article demonstrates the historical primacy of Horatio Greenough over Walt Whitman, John Ruskin, Le Corbusier and Louis Sullivan, and also analyzes the collection entitled «Form and Function. Remarks on Art, Design and Architecture», which was compiled from many essays by Horatio Greenough.

Keywords: early American functionalism; form; function; theory of innate forms; relative beauty; independent beauty; ornament.

Горацио Грино родился 6 сентября 1805 года в Бостоне. Его отец был богатым человеком, который занимался недвижимостью и построил несколько домов на Колоннейд Роу (*Colonnade Row*). С раннего возраста Грино интересовался искусством. Его самая ранняя работа – меловая статуя Ульяма Пенна – была выполнена им в двенадцать лет. В 1814 году Грино поступает в Академию Филлипса, а после нее в 1821 году в Гарвардский университет, где посвящает себя изучению античных произведений, уделяя при этом большую часть времени работе с литературой и созданию произведений искусства. Желая продолжить обучение за рубежом, он изучает итальянский и французский языки. Находясь в Гарварде, Грино оказывается под влиянием Вашингтона Олстона. За год до окончания Гарварда Грино отправляется в Рим, там он знакомится с Робертом Уолтером Вейром, который также оказал на него влияние. Окончив Гарвард, Грино переехал в Рим, где продолжил свое обучение и работу до 1851 года, после чего вернулся в США.

За год до его смерти была выпущена книга «Эстетика в Вашингтоне». В 1852 году в Сомервилле Грино умер от нервной лихорадки. После его смерти Генри Такерманом были собраны работы Грино по эстетике и опубликованы в нескольких сборниках.

Несмотря на достижения Грино в сфере искусства, его главным достижением считаются его идеи. Можно назвать две книги в которых они были изложены: «Путешествия, наблюдения и опыт янки-камнереза» (*The Travels, Observations, and Experience of a Yankee Stonecutter, 1852*) в которой Грино под псевдонимом Гораций Бендер (*Horace Bender*) представляет вниманию читателя коллекцию своих журнальных и газетных статей, памфлеты, а также различные фрагментарные размышления; «Мемориал Горацио Грино» (*Memorial of Horatio Greenough, 1853*). Данная книга была выпущена Такерманом. Большая часть была повторена дословно, или с небольшими изменениями, из книги 1852 года. В 1887 году была выпущена книга «Письма Горацио Грино своему брату Генри Грино» (*Letters of Horatio Greenough to His Brother, Henry Greenough, 1887*). В данных письмах, в которых он рассуждает об искусстве, архитектуре и дизайне, четко прослеживается теория врожденных форм, краткое описание которой выражается в знаменитом афоризме функционалистов XX века: «Форма следует за функцией». Сейчас данное выражение ассоциируется с такими архитекторами как Фрэнк Ллойд Райт от которого мы проводим связующую нить к его учителю Луису Салливану, который и изложил данную фразу в своей работе 1896 года «Высотные административные здания, рассматриваемые с художественной точки зрения» (*The tall office building artistically considered, 1896*) [1, с. 41-64], затем связующая нить приведет нас к Генри Ричардсону, который родился в 1838 году. Однако, первенство в функциональной теории искусства, задача которой выступить против «самоцельного» искусства, которое стремилось к познанию «независимой красоты», принадлежит Грино. Эту идею Грино выразил в фразе: «Красота есть залог функции» в своем эссе «Относительная и независимая красота» [2, с. 71]. Следует отметить, что Грино, как и Салливан, находился под влиянием Ральфа Эмерсона, утверждавшего в своем эссе «Природа» (*Nature, 1836*): «природа, которая сотворила каменщика, сотворила и дом» [3, с. 178-223].

В 1930-х годах труды Грино заново приобрели свою популярность, а в 1947 году был выпущен сборник «Форма и функция. Замечания об искусстве, дизайне и архитектуре» (*Form and Function. Remarks on Art, Design and Architecture*), содержащий эссе Грино. Данный сборник основывается на сборнике Такермана, поскольку включается в себя три отрывка, которых не было в сборнике Грино. Четыре из двенадцати

частей выбранных Такерманом были опущены, поскольку не отражали основную тему. Были исправлены ошибки, упрощена пунктуация и добавлены примечания. Данная книга была подразделена на следующие главы: «Эстетика в Вашингтоне», «Заметки об американском искусстве», «Относительная и независимая красота», «Бёрк о прекрасном», «Критика в поисках красоты», «Структура и организация», «Мода по отношению к прогрессу». Из перечисленных глав на русский язык была переведена только «Относительная и независимая красота» [4, с. 402-412].

Несмотря на то, что Горацио Грино жил два века назад и его текстам присущ странный религиозный романтизм, привносящий неясность в изложение его ценных идей, он читается как прогрессивный современник, а целесообразность его идей до сих пор имеет свою актуальность.

Одним из главных достижений Горацио Грино является то, что он обратил внимание на проблему национального стиля в американской архитектуре, чем предвосхитил размышления Джона Рёскина о необходимости поиска национального стиля в Английской архитектуре, которые он изложил в работе «Камни Венеции» (*The Stones of Venice, 1851-1853*) в главе «Сущность готики» [5, с. 144].

Грино поднимает проблему американского импортирования элементов других культур в свою собственную, что препятствует развитию самостоятельной американской культуры и стиля. Так в эссе «Эстетика Вашингтона» для того, чтобы выбраться из данного кризиса он призывает провести критический анализ достижений американского общества в искусстве, отбросить недостатки и принять достоинства. Однако, данной критикой должны заниматься люди, обладающие необходимой компетенцией, а не необразованные любители.

К необходимости в создании собственного американского стиля Грино пришел заметив, что искусство затрагивает такие сферы как интеллектуальную, экономическую, социальную и тем самым становится представителем целой цивилизации, если нет стиля, то и представлять нечего, а если нечего представлять, то в перечисленных выше сферах, особенно это касается экономической, страна навсегда зависнет в позиции потребителя и будет зависима от стран, которым есть что предложить.

Критикуя политику отрицания национального образования в США, Грино указывает на то, что это ведет страну к будущей ограниченности на денежном рынке, он призывает обратить внимание на такие страны как Англия, Франция, Германия, которые создают и совершенствуют школы дизайна, пройдя которые особо талантливые ученики применяют свой талант для отражения национальной истории и национальных особенностей в будущих культовых произведениях и

архитектурных сооружениях, «низшие» таланты применяют свои умения на фабриках, литейном производстве и ателье. Поэтому для того, чтобы американские ремесленники научились создавать равные по красоте продукты, которые имели бы отличительный национальный характер необходимо создание американских школ дизайна. Они не должны были быть организованы по принципу иерархии. Это должны были быть школы конструкции и украшения, которые были бы организованы просто, но эффективно и занимались проектированием для всех типов производств, где необходимо эстетическое руководство. Школы, где все необходимые навыки и знания в архитектурном строительстве и украшательстве тщательно изучались и применялись на практике. Данными размышлениями Грино предвосхитил программу Баухауса, которая мало чем отличалась от изложенной им.

Также Грино призывает к целесообразности использования материала. И акцентирует внимание на том, что если бы американский конгресс был заинтересован в развитии идеи существования совета, школы, или любого другого ответственного органа, который обладает необходимым опытом в архитектурном строительстве, то многих неоправданных затрат и дефектов в архитектурных постройках удалось бы избежать, как например дефект камня, из которого был построен Капитолий.

Рассуждая об окрестностях Капитолия, Грино рассуждает о современном ландшафтном дизайне. В его размышлениях можно также проследить идею органической архитектуры. Помимо того, что ландшафт должен быть национально аргументирован, он должен также исходить из понимания того, к какому зданию он относится. Элементы ландшафта не должны конфликтовать со зданием, не должны быть главнее здания, а должны быть его продолжением и дополнением.

Рассматривая Национальный памятник Вашингтону, Грино демонстрирует всю абсурдность его устройства. Не только сочетание египетской массы с греческой простотой и гармонией является неправильным, но и их порядок. В основе данного памятника лежит легкая греческая структура, на которую возвели египетскую каменную массу. Данный прием для архитекторов знаком. Здание с широким и простым основанием, по мере возвышения над землей, должно становиться легче не только физически, но и визуально. Тоже самое должно происходить и с памятниками. В своем анализе Грино подробно разбирает каждый элемент данного памятника, но важным является то, что он обращает внимание на символическую функцию памятника. Памятники историческим личностям, важным событиям и т. п., это не только возможность продемонстрировать развитие национального искусства, но и то, что должно стать уникальным местом, особенностью мегаполиса.

Смотрящий на памятник должен испытывать возвышенные чувства, а не видеть «хаотичное бессилие» скульптора.

Грино желал, чтобы Америка перестала заниматься заимствованием форм, а начала изобретать свои собственные, которые соответствовали бы климатическим условиям, отражали утилитарную функцию здания и имели ярко выраженный национальный характер. Следует отметить, что Грино понимал разграничение между монументальными постройками, цель которых своим видом воздействовать на смотрящего и сооружениями имеющих конкретное утилитарное предназначение. О зданиях последнего типа Грино писал: «В последнем классе законы строения и распределения, зависящие от определенных потребностей, подчиняются наглядному правилу. Их можно назвать машинами, каждая единица которых должна быть сформирована с учетом абстрактного типа своего вида» [2, с. 65]. Тем самым Грино опередил Ле Корбюзье, который только в 1920-х годах назвал дом машиной для жилья.

В своей работе «Относительная и независимая красота» Грино размышляет о красоте и её функции, украшении как ложной красоте, соотношении неорганического и органического, разделении понятий относительной красоты и независимой, а также критикует английский дом.

В понимании Грино, искусство – это не элемент торговли, не военнослужащий, которого обязаны признать годным, для него искусство представляется как ребенок, которого он обнажает перед учеными, которые должны его исследовать.

Разделяя то, что по своему существу целое, Грино определяет красоту как залог функции, реализацией функции становится действие, зафиксированной функцией является красота.

Нормальное организованное жизненное развитие для Грино это развитие действия от красоты. Это путь не только вперед, но и вверх. Грино сравнивает эти стадии с временами года, говоря, что действие будет выше красоты, как лето выше весны. Характер будет выше действия, как плод весны и лета, что называется осень. Грино приходит к выводу, что затормозить момент перехода от красоты к действию можно только бездействием, продуктом которого станет ложная красота или же украшение.

Страсть к украшению Грино описывает как желание человека завершить себя. Поскольку человек несовершенен, то и в природе он будет видеть лишь несовершенство и из-за собственной потребности в завершении, будет стараться восполнить себя красотой выполнения. Такое вмешательство подарит человеку чувство, что он наделен божественным стремлением. Размышляя об украшении, Грино видит, что есть только одна верная истина — Бог, который воплощается в организации.

Когда организация повинуется его закону приближаясь к сущности, она становится жизнью. Если она не приближается к сущности, она становится дезорганизацией. Причиной несовершенства в плане, угасанием действия или задержкой функции будет являться посягательство в организованное неорганизованного.

Что же касается бессмысленного декорирования, Грино воспринимает это не иначе как проклятие, которое проявилось в архитектуре многих стран. Например, популярный во Франции XVIII века стиль «шинуазри», аналогом которому в Америке стал стиль «имбирный пряник», основанный в 1830-х и 1840-х годах. Характерной чертой данного стиля было детализированное украшение, из-за которого здания становились похожими на пряничные домики, облитые глазурью. Грино заметил проблематичность данного стиля еще на этапе его зарождения. Именно такое украшательство Грино относил к ложной красоте и аргументировал страсть к нему как инстинктивное стремление цивилизации, которая только начала зарождаться, скрыть свою неполноту.

Если нормальным развитием прекрасного является переход от действия к завершенности, то следствием развития украшения и орнамента станут новые украшения и орнамент. Видя очевидность всего абсурда, Грино утверждает, что причиной этому стало введение неорганичного и нефункционального элемента в форму и цвет. Прежде чем приступить к украшательству художник должен отыскать сущность украшаемого объекта. Сущность, которую обнаружит художник при своих поисках, будет совершенной и сама отбросит все, в чем она не нуждается.

Прекращение потока произвольных украшений, посредством науки, Грино видит выходом, поскольку только в таком случае завершенность сможет реализовать себя и получить результаты, вместо того чтобы продолжать тонуть в украшении. Только тогда архитектура сдвинется с мертвой точки и сможет завершить все вышеописанные стадии.

Исходя из подобных размышлений Грино, можно заметить, что предисловие к своему поэтическому сборнику «Листья травы» (*Leaves of Grass*, 1855) Уолт Уитмен позаимствовал у Грино: «В картинах, или в лепнине, или в резьбе по минеральному дереву, [...] или на карнизах, или на памятниках [...], или в любом месте перед глазами человека в помещении или на улице, то, что искажает честные формы [...] является неприятностью и бунтом. [...] В украшении к произведениям нельзя допускать ничего лишнего, но можно допустить те украшения, которые соответствуют совершенным фактам открытого воздуха, вытекают из природы произведения, неудержимо следуют из нее и необходимы для завершения произведения. Большинство произведений прекрасны без орнамента!» [6, с. 629].

Помимо размышлений об архитектуре, внимание Грино привлекла мода, а именно ее роль в прогрессе развития общества. Он отмечает, что мода представляет собой попытку создать ощущение прогресса за счет простых изменений. Мода принимает очертания униформы, которую мыслящая часть общества примеряет на себя в надежде на то, что немыслящая часть общества слепо последует за ними. Однако, Грино также видит моду как обещание чего-то лучшего, поскольку за ней скрывается потребность человека к прогрессу, хотя она и не выражена ясно.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы: во-первых, работы Горацио Грино следует читать как работы современника, поскольку многие описанные моменты актуальны до сих пор. Не все статьи его эссе будут одинаково полезны, так, например, его размышления о живописи, которые сводятся к идеи простого копирования. Однако, эти страницы могут представлять определенный исторический интерес. Во-вторых, своими размышлениями Горацио Грино опередил свое время на три поколения. Следует резюмировать его первенство относительно Уолта Уитмена, Джона Рёскина, Луиса Салливана и Ле Корбюзье. Именно Грино первым выступил против бессмысленных украшений, а не Уитмен. Именно Грино, а не Рёскин, первым высказал идею о том, что здания и искусство народа должны выражать его национальный характер и мораль. Именно Грино, а не Луис Салливан, первым сформулировал принцип, согласно которому в архитектуре форма должна следовать за функцией, тем самым став первым представителем и основателем раннего американского функционализма. Именно Грино, а не Ле Корбюзье, первым сказал, что здания, спроектированные в первую очередь для использования, «можно называть машинами». В-третьих, несмотря на то, что книга посвящена американской архитектуре, читателю не следует ограничивать свое восприятие данной книги географически, так как уроки, которые преподавал Грино распространяются не только на американскую архитектуру и эти уроки, современным белорусским архитектором, необходимо освоить.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Салливан Л. Г. Фрагменты работ // Мастера архитектуры об архитектуре. М.: Искусство, 1972. С. 41–64.
2. *Greenough H. Form and Function: Remarks on Art, Design, and Architecture* by Horatio Greenough. Berkeley and Los Angeles, 1962.
3. Эмерсон Р. У. Природа // Эстетика американского романтизма. М.: Искусство, 1977. С. 178–223.
4. Грино Г. Относительная и независимая красота // Эстетика американского романтизма. М.: Искусство, 1977. С. 402–412.
5. Рёскин Дж. Сущность готики // Камни Венеции. СПб.: Азбука-классика, 2009. С. 143–183.

6. *Whitman W.* Leaves of Grass and other writings [Электронный ресурс]. University of Pennsylvania, Art & Sciences. URL: https://www.sas.upenn.edu/~cavitch/pdf-library/Whitman_Preface1855.pdf (дата доступа: 23.10.2023).

ПРАКТИЧЕСКАЯ И ИНДИКАТИВНАЯ ФУНКЦИИ ПРОДУКТОВ ДИЗАЙНА В МЕТОДОЛОГИИ ОФФЕНБАХСКОЙ ШКОЛЫ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ

PRACTICAL AND INDICATIVE FUNCTIONS OF DESIGN PRODUCTS IN THE METHODOLOGY OF THE OFFENBACH SCHOOL OF SHAPING

А.В. Лагойко

A.V. Lagoyko

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, anastasiyalagoyko@gmail.com
Belarusian State University,
Minsk, Belarus, anastasiyalagoyko@gmail.com

Статья посвящена анализу практической и индикативной функции продуктов дизайна в методологии Оффенбахской школы формообразования. Разработкой индикативной функции занимались Рихард Фишер и Герда Микосх. В статье выявляется взаимосвязь практической и индикативной функции, а также дается описание необходимых условий, при которых возможна правильная реализация индикативной функции.

Ключевые слова: практическая функция; индикативная функция; теория языка продукта; Оффенбахский подход; расширенный функционализм; знак; символ.

The article is devoted to the analysis of the practical and indicative function of design products in the methodology of the Offenbach school of shaping. The development of the indicative function was carried out by Richard Fischer and Gerda Mikosch. The article reveals the relationship between the practical and indicative functions, and also provides a description of the necessary conditions under which the correct implementation of the indicative function is possible.

Keywords: practical function; indicative function; product language theory; the Offenbach approach; extended functionalism; sign; symbol.

Данная статья является продолжением цикла статей о функциях продуктов дизайна в методологии Оффенбахской школы формообразования. В предыдущих работах были рассмотрены такие функции как символическая [1, с. 475-484.] и формально-эстетическая [2, с. 128-142]. Данные функции являются частью теории расширенного функционализма (теория языка продукта).

Теория языка продукта изначально была придумана и разрабатывалась Йохеном Гросом, начиная с его дипломной работы под названием «Расширенный функционализм и эмпирическая эстетика» написанной в